

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

К⁴Т70
827-15-2
30427

1347

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ ХСV, № 2.

В. У. Шростянскій.

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

МѢСТНЫХЪ ГОВОРОВЪ

ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1916.

8
A 882

ТАБЛ

Возвратите книгу не позже указанного срока

23 XII. 06

18
382

К 4
К Т 70

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ ХСV, № 2.

В. М. Тростянской.

30427

КЪ ИЗУЧЕНІЮ
МѢСТНЫХЪ ГОВОРОВЪ
ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Воронежская областная
библиотека
им. И. С. Никитина

Б 0396463

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1916.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1916 года.

Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	1
Введеніе.	1
Малорусское вліяніе на формацію мѣстнаго говора.	4
Глава первая. Главныя звуки	6
Глава вторая. Употребленіе согласныхъ звуковъ въ мѣстномъ говорѣ.	10
Глава третья. Формальныя особенности и черты мѣстнаго говора, выражающіяся въ падежныхъ измѣненіяхъ и степеняхъ сравненія.	15
Глава четвертая. Отгѣнки и черты мѣстнаго говора, выражающіяся въ спряженіяхъ глаголовъ.	19
Глава пятая. Мѣстныя особенности говора	20
Глава шестая. Мелкія явленія изъ области мѣстныхъ особенностей	25

Къ изученію мѣстныхъ говоровъ въ Воронежской губерніи.

Предисловіе.

Главная задача моего очерка — описать и, по возможности, точно и наглядно представить черты и особенности говора сѣверо-западнаго уголка Воронежской губерніи, обнимающаго собою села: Вѣрхній Ломовѣць, Нижній Ломовѣць, деревню Кѣжинку, Долгѣшу, Колѣбино, Нерѣжу, Дегтево, Спѣнное, Вѣслую Поляну, Большую Поляну, Малѣново, Каменку — Землянскаго уѣзда и Ксізово, Стѣрое Дубовѣе, Хлѣвное, Дѣлѣ — Задонскаго уѣзда. Всѣ поименованныя села по говору и населенію искони принадлежать къ великорусскимъ; при чемъ отчетливо слышится «аканье» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ говора, гдѣ въ устахъ населенія сѣверовосточныхъ губерній Россіи слышится обратное ему «оканье».

Я не могу вполнѣ ручаться, что подмѣченныя мною черты и особенности мѣстнаго говора будутъ переданы мною съ полной научной ясностью и точностью; я только изложу эти особенности въ томъ видѣ, какъ они представляются моему непосредственному и долговому наблюденію.

Введеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что въ описываемомъ мною говорѣ весьма ясно замѣтны два противоположныхъ, два борющихся между собою теченія или направленія. Одно — давнее, изстари

вѣками установившееся и потому болѣе коренное и устойчивое. Это теченіе, такъ сказать, консервативнаго характера; въ немъ выражается стремленіе сохранить — удержать старые обычные формы и приемы говора, приемы своихъ отцевъ, предковъ. Это обычные приемы чистаго народнаго, кореннаго говора.

Съ другой стороны нерѣдко можно слышать иной говоръ, какъ-бы нѣсколько привѣжающійся къ обычному мѣщанскому, или даже литературному. Это новое вѣяніе привноситъ въ область стараго говора новое поколѣніе, болѣе воспримчивое ко всякой новизнѣ. Въ отхожихъ промыслахъ по южнымъ губерніямъ и городамъ, на военной службѣ, а также въ нашихъ сельскихъ школахъ оно находитъ для себя благоприятную почву. Можно съ каждымъ годомъ непосредственно все болѣе и болѣе убѣждаться, что въ мѣстномъ говорѣ совершается какой-то особый новый процессъ, далеко не похожій на прежній, происходитъ что-то неожиданное и не всегда понятное для старозавѣтныхъ людей. Иначе и быть не можетъ. Исторія идетъ по неумолимымъ законамъ естественнаго развитія. *Mutantur tempora, mutantur et homines in illis*. Съ появленіемъ на сценѣ жизни новыхъ поколѣній, новыхъ условій и формъ жизни долженъ былъ по естественному ходу вещей измѣниться и самый говоръ, какъ естественный отпечатокъ происходящихъ общественныхъ переменъ жизни. Ломаются или шлифуются старые устои и привычки жизни, за одно съ ними измѣняется и все, что было связано съ этими устоями и привычками.

Старыя поколѣнія, сознавая, что ихъ роль кончалась вмѣстѣ съ ихъ прошлою жизнью, должны были по необходимости уступать широкую просторную дорогу нарождающимся поколѣніямъ, съ которыми они борются не въ силахъ по причинѣ неравенства силъ. Однако, въ силу естественной и долгой привязанности ко всякимъ старымъ формамъ и привычкамъ жизни, они остаются вѣрными всему старому, или самими установленному. Съ другой стороны, тѣсное и непосредственное сближеніе съ новыми людьми новыхъ поколѣній невольно, такъ сказать, захлѣстываетъ ихъ

своей стихійной волной. Отсюда съ ихъ стороны нѣкоторая уступка, выражающаяся въ бессознательномъ, хотя и слабомъ подражаніи всему новому.

Тоже наблюдается и въ новыхъ поколѣніяхъ. Не желая усвоить уже отживающіе свою пору вкусы и привычки, новыя поколѣнія стремятся обособиться отъ стараго, создать свой особый міръ; но такъ какъ, опять-таки въ силу естественнаго и постояннаго соприкосновенія съ ними, они не могутъ окончательно обособиться, то отсюда глухая и неопредѣленная борьба со всѣми старыми. Въ такомъ видѣ представляются отношенія двухъ противоположныхъ между собой лагерей — старыхъ и новыхъ поколѣній.

Итакъ, границы между говорами старыхъ и новыхъ поколѣній до нѣкоторой степени опредѣлены. Весьма трудно и, пожалуй, невозможно съ неопровержимой точностью указать границы между двумя противоположными говорами вслѣдствіе ихъ, можно сказать, органической связи. Поэтому намъ только придется показывать просто ихъ различіе на основаніи фактическихъ данныхъ, какъ вѣрныхъ признаковъ разнохарактерныхъ говоровъ. Ясно только, что каждое изъ указанныхъ поколѣній въ отношеніи стараго порядка вещей и въ частности, — говора стремится какъ-бы обособиться, и каждое изъ нихъ, однако, бессознательно поддается взаимному влиянію. Старозавѣтные люди, не желая воспринимать новыхъ пріемовъ говора, стараются удержать свои прежніе пріемы. Новыя поколѣнія, не создавъ твердаго устойчиваго новаго говора, по необходимости, пока пользуются старымъ матеріаломъ, не переставая въ тоже время реформировать его по своему.

Вотъ борьба прогрессивнаго начала съ противоположнымъ ему началомъ регрессивнымъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта томительная неопредѣленность въ направленіи говоровъ, или какіе результаты окажутся впоследствии отъ столкновенія и борьбы двухъ противоположныхъ между собою началъ.

Въ данный моментъ мы ограничимся пока указаніемъ нѣ-

сколькихъ словъ и отдѣльныхъ выраженій, характеризующихъ два направленія мѣстнаго говора: напр., слово «*всегда*» имѣть двойное употребленіе въ мѣстномъ произношеніи¹⁾: *завсѣгда* и *усягда*; *пѣтакъ* и *пѣтакъ*; *немного* = *нямнубога* и *нѣмнога*; *бѣжать* = *бѣжати* и *бѣжати*; *говоритъ* = *гутаря* и *гаварить*; *нести* = *несѣ* и *нисѣть*; *ведетъ* = *ведѣ* и *видѣть*. Выраженія: *Чего тебѣ надо?* *Чего̀ тебѣ̀ надѣ?* и «*Чиво тибѣ̀ надѣ?*» *Въ Петербургѣ жизнь веселая* = «*У Пѣтѣрбургѣ жисть вѣселая*» и «*У Питирбургѣ жѣзнь вѣселая*»; *Онъ идетъ и пѣсни поетъ* = *Он ѣдя и пѣсни паѣть*²⁾).

Есть и такія выраженія, которыя исключительно свойственны молодому поколѣнію; въ устахъ стараго поколѣнія такихъ выраженій нельзя услышать, напр.: «*Савиршѣнна вѣерна вѣ извѣдлѣ гаварить*», «*Чиво вам адалжитъ?*», «*Мы прикрасна и раскѣшна там жѣвѣм*», или «*Канѣчна, бувати и так, но, ѣфта рѣжа случаетца*» и т. д.

Частіе разнохарактерности эти обнаружатся въ теоретическомъ изложеніи разбираемаго вопроса.

Малорусское вліяніе на формацию мѣстнаго говора.

Я представилъ бы неполную характеристику нашего говора, если бы не упомянулъ еще объ одномъ факторѣ, такъ или иначе вліявшемъ на мѣстный говоръ, именно о *малорусскомъ вліяніи*.

Говоря о малорусскомъ вліяніи на формацию мѣстнаго говора, мы не можемъ по имѣющимся у насъ даннымъ отводить этому вліянію какую-либо особенную, важную роль. Лѣтъ со-рокъ — пятьдесятъ тому назадъ, вслѣдствіе частыхъ сообщеній малоруссовъ съ мѣстными сельчанами-великоруссами, это вліяніе ощущалось всѣми довольно ясно и замѣтно. Проѣзжая по «*Большой*» торговой дорогѣ изъ Курской и Харьковской губерній черезъ Воропежъ на Елецъ³⁾ Орловской губ. съ нагруженными

1) — означ. долготу, ~ — краткость, · — смягченіе.

2) Букву «ѣ» и «ъ» намѣренно опускаю для большихъ удобствъ при транскрипціи.

3) Елецъ вслѣдствіе своего счастливаго географическаго положенія или

обозами, или проходя по ней со своими гуртами разнаго скота, они при остановкахъ не разъ сталкивались съ жителями великорусскихъ селъ, группами расположенныхъ по берегамъ «Большаго тракта», бесѣдовали съ ними, дружились на разной почвѣ и такъ или иначе оставляли у нихъ слѣды своихъ посѣщеній. Тоже самое явленіе наблюдалось и по линіи шоссеиной Воронежско-Задонской дороги, по которой направлялись малорусскіе богомольцы на поклоненіе мощамъ св. Тихона Задонскаго въ уѣздный городъ Задонскъ, Воронежской губерніи. Но со временемъ это сообщеніе становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Обозы малоруссовъ, вѣроятно, вслѣдствіе перемѣщенія торговыхъ пунктовъ стали отливать въ другую сторону, минуя наши окраинныя великорусскія села, а малорусскіе богомольцы тоже, вѣроятно, вслѣдствіе перемѣны путей сообщенія, — когда прошла Орловско-Грязская ж. д., значительно сокращавшая и измѣнявшая прежній путь — также должны были перенести центр тяжести своего сближенія въ другую сторону. Этотъ поворотный пунктъ малорусскаго вліянія сталъ замѣтенъ приблизительно въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Сношенія эти и до сихъ поръ не прекращаются для тѣхъ, кто занимается отхожими промыслами въ южныхъ придонскихъ губерніяхъ, пограничныхъ съ малорусскими губерніями, но вліяніе этихъ сношеній слишкомъ слабо, чтобы оно могло бороться съ разнохарактерными говорами, среди которыхъ приходится вращаться нашимъ рабочимъ промышленникамъ.

Такъ мало-по-малу стало забываться или ослабѣвать малорусско-великорусское сближеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и естественно стали ступневываться и самыя слѣды этого сближенія. Отсюда можно говорить о малорусскомъ вліяніи на мѣстный говоръ лишь въ очень скромныхъ границахъ.

Изъ того, что было сказано о сношеніяхъ малоруссовъ съ

точнѣе вслѣдствіе того, что онъ является въ торговомъ отношеніи крѣпкимъ звеномъ между Сѣверомъ и Югомъ Россіи, и до сихъ поръ не утратилъ своей важной роли, какъ торговый пунктъ.

мѣстными великоруссами, мы можемъ вывести слѣдующее положеніе: малорусское вліяніе несомнѣнно отразилось на формациі мѣстнаго говора, но отразилось въ очень незначительной степени. Поэтому мы отмѣтимъ лишь частичныя явленія малорусскаго вліянія на складъ мѣстнаго говора. Это вліяніе частію выразилось въ заимствованіи малорусскихъ пѣсенъ (передѣланныхъ, конечно, на великорусскій ладъ), частію въ разговорной прозаической рѣчи. Такъ, употребительны въ мѣстномъ говорѣ слѣдующія слова: *баршá* — искаженное малорусское — *бѣри*, *шукáть* (искать), *ховáть* (прятать, хоронить), *мылá* (пельзя), *заробíть* (малорусское «заробíти» — заработать), *похилíться* (малорусское «похилы́тца» — погнуться), *нехай* (пусть) и др. Сюда также можно отнести формы 2-го и 3-го лицъ един. числ. настоящ. врем. нѣкоторыхъ глаголовъ, напр.: *несть* — нѣсѣшь, — нѣсѣ; *вѣсть* — вѣдѣшь, — вѣдѣ¹⁾. Затѣмъ окончаніе неопр. накл. *тí* вм. *ть* можно встрѣтить въ пѣсняхъ: *плáка-ти*, *рыдá-ти*, *дáри-ти* и пр. Пѣсни «Ой зеленый дубе, чого похилився» и «Ой ходів чумак, да ходів бурлак семь літ по Криму» и др. тоже цѣликомъ заимствованы у малоруссовъ.

Вотъ тѣ немногіе факторы, на основаніи которыхъ мы осмѣливаемся утверждать несомнѣнное вліяніе малорусскаго нарѣчія, сказавшагося на мѣстномъ говорѣ.

Глава первая.

Гласные звуки (звукъ «а»).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи занимающаго насъ вопроса мы постараемся на основаніи фактическихъ данныхъ, какъ можно полнѣе и нагляднѣе, изобразить всѣ оттѣнки и черты нашего мѣстнаго говора. Начнемъ съ гласныхъ звуковъ. Раньше при общей характеристикѣ мѣстнаго говора было упомянуто, что су-

1) Только звукъ «е» здѣсь слышится мягко, а не твердо, какъ въ малорусскомъ говорѣ.

щественную его черту составляет такъ называемое «аханье». Скажу еще частище: звукъ «а» въ описываемомъ говорѣ всегда слышится на мѣстѣ неударяемаго звука «о», напр.: агонь (огонь), вадà (вода), òстрав (остров), сапaгi (сапоги), кòлакал (колокол), галавà (голова), а въ пѣсняхъ — галáва, — звукъ «а» почти скрадывается при пѣнiи. Въ силу этого же положенiя и въ нарѣчiяхъ, оканчивающихся на неударяемое «о» всегда употребляется тоже «а», напр.: бòльна вм. больно, дурна вм. дурно, хiтра вм. хитро и т. д. Иногда «а» измѣняется въ сродный ему звукъ «я», если ему предшествуетъ мягкiй слогъ, напр.: свѣчка провозносится какъ свѣдѣчка¹⁾; печка — пѣчка; тачка — тѣчка; жвачка — жвѣчка; кучка — кѣчка; дурочка — дурѣчка; свайка — свѣйка; шайка — шѣйка; мойка — мѣйка и т. д.

Звукъ «о».

Относительно гласнаго звука «о» надо замѣтить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находится подъ слоговымъ ударенiемъ, его весьма рѣдко можно слышать, какъ таковой звукъ — безъ измѣненiй, а обыкновенно къ нему примѣшивается какъ бы вставочное кратко «ў», напр.: молоко — малакўо; корова — карўова; поп — пўоп; конь — кўонь; стол — стўол и т. д. Относительно постановки ударенiя намъ придется нѣсколько оговориться. Дѣло въ томъ, что въ вышеприведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ ударенiе можетъ занимать двоякое положенiе: или надъ звукомъ «о», какъ въ данномъ случаѣ, или же надъ вставочнымъ «ў». Изъ нашихъ наблюденiй надъ мѣстнымъ говоромъ можно безошибочно вывести слѣдующее положенiе: когда слова съ ударяемымъ звукомъ «о» произносятся довольно скоро, ускореннымъ темпомъ, то ударенiе остается надъ самимъ звукомъ «о»; но бываютъ случаи, хотя значительно рѣже, и замедленнаго, растянутаго и даже

1) Знакъ ˘ вверху — означаетъ краткость, такой же знакъ внизу — означаетъ диѳтонгъ съ повышающимся ударенiемъ; знакъ ˙ — означаетъ коронистъ; точка вверху (˙) смягченiе; черта въ скобкахъ (˘) — неизмѣняемое произношенiе.

пѣвучаго произношенія этихъ словъ; тогда удареніе перемѣщается на вставочное «*у*» и получается уже иного рода транскрипція: молоко = мѣлакѹо, дорога = дарѹога и т. д.

Но такъ какъ, повторю, съ случаями перваго рода мы встрѣчались чаще всего, то и мы будемъ примѣняться вездѣ въ своей транскрипціи къ болѣе или менѣе общепринятому произношенію.

Наряду съ только что указаннымъ слоговымъ приращеніемъ къ ударяемому звуку «*о*» встрѣчается, — хотя очень рѣдко — и обычное произношеніе безъ указанной особенности, напр. топь произносится неизмѣнно: топь (—); почь = пѹчь (—); домъ = дѹмъ (—); потъ = пѹтъ (—); точно также произносятся слова: соль (—), а не сѹль; хлопья (—), а не хлѹпья; рѹтъ, а не рѹотъ, какъ слѣдовало бы ожидать, разъ мы встрѣчаемся съ ударяемымъ звукомъ «*о*».

Какимъ образомъ возникло это отступленіе отъ общепринятаго обычая растягивать звукъ «*о*» вставочнымъ «*у*» — трудно объяснить. Если бы это отступленіе касалось лишь односложныхъ словъ, то тогда легко можно было-бы вывести опредѣленное правило. Но этого, какъ мы видѣли, нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Поэтому указанное затрудненіе остается въ своей силѣ: почему же въ однихъ случаяхъ односложныя слова съ ударяемымъ звукомъ «*о*» удлиняются въ произношеніи вставочнымъ «*у*», а въ другихъ — нѣтъ? Вопросъ остается открытымъ; и едва ли можно надѣяться на его разрѣшеніе. Вѣроятно, здѣсь повторяется одно изъ тѣхъ непонятныхъ явленій въ области филологіи, причины которыхъ таятся въ таинственной глубинѣ фізіологическихъ особенностей языка вообще и — разныхъ говоровъ въ частности.

Звукъ «*о*» выпадаетъ или поглощается, если ему предшествуетъ тоже гласный звукъ, напр.: на огородѣ = на' гарѹѹди и на' гарѹѹди, на окнѣ = на' кнѹѣ; на ометѣ = на' мѣтя и на' мѣти и т. под. Кромѣ того иногда «*о*» переходитъ въ «*у*», напр.: сосѣдъ = сусѣѹтъ; содержать = судержать; состоять = сустайтъ; сомнѣваться = сумлевѹтъца (надо замѣтить, что въ мѣстномъ говорѣ слово «сумлевѹтъца» означаетъ болѣе состояніе

безпокойства, заботы, волненія, чѣмъ просто сомнѣніе). Изъ приведенныхъ данныхъ можно заключить, что только неударяемое «о» иногда превращается въ «у» и притомъ въ двусложныхъ в вообще многосложныхъ словахъ.

Звукъ ѣ — е.

Звукъ ѣ или е всегда произносится съ сопутствующимъ ему звукомъ «і» краткимъ и что-тоже *jot*, когда находится подъ непосредственнымъ удареніемъ. Что же касается положенія ударенія въ такихъ словахъ, то здѣсь можно вкратцѣ повторить то, что было сказано объ ударяемомъ звукѣ «о», т. е. при медленномъ произношеніи словъ удареніе перемѣщается на вставочный или сопутствующій звукъ, при обыкновенномъ же — общеупотребительномъ — оно остается надъ главнымъ звукомъ ударяемаго слога, въ данномъ случаѣ надъ звукомъ «ѣ» или «е», напр.: лѣс = ліѣс; хлѣб = хліѣп; цѣп = ціѣп; дѣло = діѣла; сѣмя = сіѣмля; сѣно = сіѣна; смотрѣть = сматріѣть; бѣлый = біѣлай; мелкій = міѣлкай; качели = качіѣли; мель = міѣль и пр.

Наблюдали также (хотя рѣдко) случаи перехода звука «о» въ «а», напр.: цѣловать = цаловать; цѣлковый = цалкѣдвай; цѣпочка = чапѣчка.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и «е» замѣняется звукомъ «а», напр.: ангел = аңгаль; херувим = харуим; генерал = снараѣл; февраль = хавраѣль.

Неударяемое «ѣ» или «е» почти всегда замѣняется въ мѣстномъ говорѣ звукомъ «л», напр.: весло = вяслѣд; везу = вязѣд; серберина = сербарина; весной = вяснѣдѣй; лѣнивый = лянйвай; плѣшивый = пляшйвай; сѣку = сякѣ и пр. Съ другой стороны, нерѣдко мы встрѣчаемся съ случаями обычнаго произношенія подобныхъ словъ, напр.: деревня (—), берега, семена, бедѣ, стена, пеленѣ, лебедѣ и др.

Звукъ у — ю.

Звукъ «у» и соотвѣтствующее ему «ю» за исключеніемъ немногихъ случаевъ, остаются безъ измѣненія. «У» переходитъ въ «ю» только въ томъ случаѣ, если окончанію слова предшествуетъ мягкій слогъ, напр.: чайку = чайкю; рѣдку = рѣткю; свѣчку = свѣчкю и т. д.; тогда какъ въ словахъ: шкурку, бѣлку, стенку, рамку «у» остается неизмѣннымъ.

Въ немногихъ словахъ «у» въ мѣстномъ произношеніи переходятъ иногда въ «о», напр.: омутъ = омаѣт.

Звукъ «э».

Звукъ «э» слышится въ нашей мѣстности гораздо мягче обыкновеннаго произношенія и приближается даже къ мягкимъ звукамъ «е» или «я», напр.: этоѣ = ѣтаѣ или ѣнтаѣ; этажъ = ѣ(я)таѣш; экзамень = е(я)кзамент; слышится въ этихъ и подобныхъ ямъ словахъ что-то среднее между «е» «я».

Звукъ «я».

Замѣчательно, что звукъ «я» остается неизмѣннымъ въ мѣстномъ произношеніи какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ разговорѣ интеллигентныхъ лицъ онъ измѣняется въ «е». Такъ слова рябина (—), пятакъ (—), языкъ (—), часы (—) произносятся неизмѣнно; между тѣмъ какъ изъ устъ интеллигентныхъ людей можно нерѣдко слышать ребина вмѣсто рябина, езъкъ вм. языкъ, чesы вм. часы, петакъ вм. пятакъ. И только въ немногихъ словахъ звукъ «я» замѣняется звукомъ «е», напр.: ячмень = ѣчмень; вязать = везать; плясать = плѣсать и т. д.

Глава вторая.

Употребленіе согласныхъ звуковъ въ мѣстномъ разговорѣ.

Звуки «б» и «п».

Звукъ «б» какъ въ произношеніи интеллигентнаго класса людей въ концѣ словъ (предъ твердымъ знакомъ), а также въ сере-

двѣ словъ передъ согласнымъ, слышится какъ сродный ему «и», напр.: дубъ = дѹп; грибъ = грѹп; хлѣбъ = хлѣ̀п; коробка = карѹ̀пка; робкій = рѹ̀пкой; передъ гласнымъ звукомъ — «б» возстановляется: дубы́ (—), грибы́ (—); бобы́ = бабы́ и т. д.

Звуки «в» и «ф».

Звукъ «о» почти во всѣхъ случаяхъ сохраняется въ своемъ чистомъ неизмѣнномъ видѣ, напр.: сова = савà; дрова = дравà и т. д.; только въ серединѣ словъ передъ согласнымъ звукомъ, а также въ концѣ словъ передъ мягкимъ знакомъ слышится сомнительный звукъ, болѣе какъ-бы приближающійся къ «ф», напр.: любовь = любѹ̀в(ф)ь; кровь = кров(ф)ь и т. д. Нужно все-таки замѣтить, что такое мягкое произношеніе звука «о» въ концѣ словъ съ мягкимъ окончаніемъ можно услышать только въ устахъ новыхъ молодыхъ поколѣній. Старыя поколѣнія довольно отчетливо произносятъ звукъ «о», не смѣшивая его и не измѣняя въ сродный ему «ф», напримѣръ, въ словахъ: Кѹ̀мав, Пятрѹ̀в, ляннѹ̀в, сплснѹ̀в, нѹ̀в, брѹ̀в и т. д. — звукъ «о» слышится ясно.

Далѣе, когда звукъ «о» стоитъ въ началѣ словъ, то онъ замѣняется звукомъ «у» въ мѣстномъ произношеніи. Такъ, вмѣсто «вдова» говорится «удѹ̀ва»; весь = ѹ̀весь; всякій = ѹ̀скай; вдернуть = ѹ̀дѣрнуть; второпяхъ = утарпѹ̀х и т. д. И только слово «взнуздать» по особенностямъ діалектическихъ пріемовъ нашихъ сельчанъ отступаетъ отъ вышеуказаннаго положенія. Вмѣсто «взнуздать» у насъ употребляется болѣе растяжимый по звукамъ глаголъ замуздѣть.

Точно также и предлогъ «оу» всегда замѣняется предлогомъ «у», напр.: въ городѣ = у гѹ̀рдѣ(и); въ саду = у садѹ̀; въ хатѣ = у хатѹ̀(и).

Звукъ «ф» (ѳ) совершенно не употребляется въ мѣстномъ произношеніи. Его замѣняетъ чаще всего удвоенное «сс» и только иногда звукъ «ш», напр.: Теодоръ = Хвѣдѹ̀р; Филиппъ = Хвилѹ̀п; фабрика = хвѹ̀брика; фунтъ = хвѹ̀нт; фонтанъ = хвѹ̀п-

тан; фальшь = хвѣльша; февраль = хаврѣль; Оома = Хамѣ;
Фроль = Хрѹдл; флагъ = хлѣк и т. д.

Звуки «г», «к», «х».

Звукъ «г» въ мѣстномъ произношеніи занимаетъ середину между твердымъ произношеніемъ нѣмецкаго «g», скорѣе приближающагося къ сродному ему звуку «к» (въ устахъ не вполне обрусѣвшаго нѣмца ясно можно слышать звукъ «к» въ словахъ луг(к), г(к)аварить, г(к)ород) и болѣе мягкимъ «h», почти въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезающимъ или приближающимся къ звуку «ch» — русск. «х». Звукъ «g» въ словахъ Gut, Geld, geben и др. по своему слишкомъ твердому произношенію покажется нѣсколько рѣзкимъ и страннымъ нашимъ сельчанамъ, а въ словахъ Honig, haben, Herz и т. под. они услышатъ знакомый имъ звукъ «х», но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ они не будутъ подозрѣвать присутствія звука «г». Въ мѣстномъ говорѣ этотъ звукъ во всѣхъ случаяхъ и сочетаніяхъ произносится мягко, плавно и свободно. Такое именно произношеніе этого звука слышится въ словахъ: городъ = гѹрѣт; гумно = гумнѹд; погода = пагѹдѹда и др. Уже если подводить звукъ «g» подъ аналогію съ подобнымъ ему звукомъ, то удобнѣе всего, мнѣ кажется, съ латинскимъ «h». Латинское «h» въ словахъ homo, humus, habeo и т. п., какъ нельзя лучше, соответствуетъ мѣстному произношенію звука «г».

Что было сказано о переходныхъ сомнительныхъ звукахъ «б» и «п», можно отнести и къ звуку «г». Въ серединѣ словъ предъ согласнымъ и въ концѣ словъ (предъ твердымъ знакомъ) этотъ звукъ всегда смягчается въ «х», напр.: легкій = лѣхкай; мягкій = мѣхкай; порогъ = парѹдх; кругъ = крѹх; другъ = дрѹх и т. д. Но иногда «г» переходитъ въ сродный ему звукъ «к», напр. цугомъ = цѹкам; флагъ = хлѣк и др. Предъ гортаннымъ глухимъ звукомъ «к», а равно и передъ зубными «д» и «т» звукъ «к» превращается въ «х», напр.: къ кому онъ пошелъ? = х' камѹ

он пашёл; къ тебѣ = х' табіѣ; къ куму = х' кѹму; кто здѣсь = кто здіѣся(ь); къ дому = х' дѹму и т. д.

Звукъ «ж» произносится обычно.

Звуки «д» и «т».

Звукъ «д» не всегда удерживается въ произношеніи. Онъ замѣняется или носовымъ звукомъ «м» или же вовсе выпадаетъ передъ нимъ, напр.: кидать = кивать; поздній = пѹдзней — «д» выпало.

Звукъ «т» не представляетъ какихъ-либо особенностей. Онъ произносится открыто, чисто, безъ слиянія съ какими-либо другими посторонними звуками, какъ, напр., въ бѣлорусскомъ нарѣчій. Таковы слова: тепѣрь, а не тперь; телка, а не тѣлка. Правда, есть одно мелкое явленіе, нѣсколько напоминающее особенность бѣлорусскаго произношенія звука «т», напр. слово «тѣнь» по мѣстному произношенію стіѣнь. Но это явленіе слишкомъ единично, чтобы изъ него можно было вывести какое-либо опредѣленное общее положеніе.

Звуки «з» и «с».

Эти звуки во всѣхъ сочетаніяхъ не измѣнены. Только относительно звука «с» надо нѣсколько оговориться. Когда (въ началѣ словъ) за нимъ непосредственно слѣдуютъ звонкіе звуки «д» и «б», тогда онъ для удобства произношенія замѣняется соответствующимъ звукомъ «з», напр.: сбавить = збавить; сдумать = здумать и т. д.

Звуки «ц» и «ч».

По своему произношенію звукъ «ц» значительно отличается отъ малорусскаго «ц». Въ словахъ: кѹрица (—), улица (—), царапать и въ др. пад. звукъ «ц» слышится твердо, какъ отдѣльный самостоятельный звукъ. Это не то, что въ малорусскомъ произношеніи улицја, курицја, гдѣ звукъ «ц» какъ-бы расплывается на нѣсколько звуковъ (теја — тса), измѣняя собой и са-

мое произношеніе окончанія слова. Впрочемъ, бываютъ случаи, когда звукъ «ц» смягчается до того, что переходитъ въ среднее ему «ч». Можно, пожалуй, здѣсь предположить вліяніе малорусскаго нарѣчія, которое, какъ и въ другихъ случаяхъ, несомнѣнно сказывалось на форманціи мѣстнаго говора. Для примѣра приведу нѣсколько словъ: цапля — по мѣстному — чѣпля; церемонія — черямѣднія; цѣпь — чѣпь; цѣпочка — чепѣчка; цынга — чингѣ.

Звукъ «ц» не вездѣ удерживается въ корнѣ словъ. Иногда онъ выпадаетъ или замѣняется среднимъ ему звукомъ «ч», напр.: конечно = канѣшна (кавѣшна и канюшна); скучно = скүшна; молочный = малүдшной; поперечный = паперѣшной и папирѣшной; порядочный = парѣдашной.

Звуки «ж», «ш», «щ».

Въ большинствѣ случаевъ звукъ «ж» произносится твердо и остается неизмѣннымъ въ сочетаніяхъ звуковъ. Но иногда, вѣроятно, для большей легкости и удобства произношенія онъ переходитъ въ соответствующій ему звукъ «з». Таковы слова: железо = залѣза; жемчугъ = зямчүх; жабрикъ = зѣбрик; жабыры = зѣбры и въ пр.

Тоже наблюдается и въ звукѣ «ш». Хотя и рѣдко, но и онъ подпадаетъ подобнымъ измѣненіямъ, напр.: штрафовать = страрховать; шелушить = салушить; шмыгать = смѣгать; бываютъ и обратныя превращенія звуковъ, напр.: шоссе = шаша; Саша = Шаша; салфетка = шалхвѣтка; сошники = шашники и т. д.

Звукъ «щ», за исключеніемъ слова «щи», почти всегда соответствуетъ удлинненному и твердому звуку «ши» (шии), напр.: трещать = тряшшѣть, трешшѣть (и трищѣть); стращать = трашшѣть; тащить = ташшѣть; тощій = ташшѣвай; сущій = сүшшай; еще = ишшѣ; пуще = пүшша; щель = шшѣль; шука = шшүка. Случаевъ же, когда звукъ «щ» замѣняется звукомъ «ш», очень мало, напр.: щавель = шѣвель; ма-

ломощный = маламѹдшной и т. под. Встрѣчаемся и съ другого рода измѣненіями этого звука. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукъ «ц» превращается въ «ч», напр.: смущать = смучать; возвращать = варачать и пр.

Глава третья.

Формальная особенность и черты мѣстнаго говора, выражающіяся въ падежныхъ измѣненіяхъ и степеняхъ сравненія.

Склоненіе именъ существительныхъ и именъ прилагательныхъ.

а) Красивый конь.

Ед. ч. им. красив-ай конь, род. красив-ава каиѣ, д. красив-аму коню, в. красив-ава каяѣ, тв. красив-ым канѣм, пр. на красив-ам каиѣ. *Множ. ч.* им. красив-аи кѹдѣи, р. красив-ых каяѣи, д. красив-ым каиѣм, в. какъ род., тв. красив-ыми каиѣми, пр. на красив-ых каиѣх.

б) Большой лѣсъ.

Ед. ч. им. большѹй лѣсѣ, р. большѹдва лѣса, д. большѹдму лѣсу, в. какъ въ им., тв. большим лѣсам, пред. у (въ) большѹдм лясѹ. *Мн. ч.* им. большѣи-и, -ья лесѣ, р. большѣих лясѹдѣв, д. большим лесѣм, в. какъ им., твор. большѣиин лесѣми, пр. у (въ) большѣих лесѣх. Въ предл. пад. именъ существительныхъ довольно часто слышится «и», «я» или «ы» на мѣсто «ь», напр.: ѹ Яльцѣи им. въ Ельцѣѣ; на обѣдѣ = на' бѣдѣ; въ банѣ = у бѣни; въ омутѣ = у в' ѹматя; въ ригѣ = у рѣги; на небѣ = на нѣби.

в) Маленькій муравей.

Ед. ч. им. малинк-ей муравѣль, р. малинк-ива (-ява) муравлѣ, д. малинк-иму (-яму) муравлю, в. какъ род., тв. малинк-им муравлѣм, пр. а (о) малинк-ям муравлѣ. *Мн. ч.* им.

м'ялинькіи муравлі, р. м'ялиньких муравлюдов, д. м'ялиньким муравлям, в. какъ род., тв. м'ялинькими муравляими, пр. а (о) м'ялинькихъ муравляхъ.

Широкое поле. Селеніе. Окно.

Ед. ч. им. ширѹдк-ая пѹля¹⁾, селѣнья, акнѹд,
род. ширѹдк-ава пѹля, селѣнья, акна,
дат. ширѹдк-аму пѹлю, селѣнью, акнѹ,
вин. ширѹдк-аю пѹлю, селѣнью, акнѹд,
тв. ширѹдк-им пѹлям, селѣням, акнѹм,
пр. на ширѹдк-ам пѹли, селѣнѣ, акнѣ.

Мн. ч. им. ширѹдкава поля, селѣнѣ, ѹкны,
род. ширѹдких полѣй, селѣнѣяв, акнѹ,
дат. ширѹдким палѣм, селѣнѣям, ѹкнам,
вин. какъ и род.,
тв. ширѹдкими палѣми, селѣнѣями, ѹкнами,
пр. на ширѹдких палѣх, селѣнѣях, ѹкнах.

Баба, хата, дыня.

Ед. ч. им. бѹба, хѹта, дѹня,
род. бѹбы и бѹбя (у бѹбя), хѹты (-я), дѹни,
дат. бѹби (-я), хѹти (-я), дѹни,
вин. бѹбу, хѹту, дѹню,
тв. бѹбай, хѹтай, дѹней,
пр. а (о) бѹби (-я), хѹти (-я), дѹни.

Мн. ч. им. бѹбы, хѹты, дѹни,
род. бѹи, хѹт (-сѣй), дѹнѣ (-ей), (камнатѣй вм. комнать),
дат. бѹбам, хѹтам, дѹпям,
вин. бѹи, хѹты, дѹни,
тв. бѹбами, хѹтами, дѹнѣи (-ими),
пр. а (о) бѹбах, хѹтах, дѹнѣх.

1) Надо замѣтить, что въ мѣстномъ говорѣ не существуетъ средняго рода им. сущ.; вездѣ его замѣняетъ женскій родъ, напр., говорятъ *слѣткая яблѹка* вм. сладкое яблоко, *багатаи имѣнѣя* вм. богатое имѣніе.

8
A-389

Темная ночь, умная дочь.

Ед. ч. им. тѣмная нѣчь, умная дѣчь,
род. тѣмнай нѣчи, умнай дѣчири,
дат. тѣмнай нѣчи, умнай дѣчири,
вин. тѣмнаю нѣчь, умнаю дѣчь,
тв. тѣмнаю нѣчью, умнай дѣчирью и -черью,
пр. ва тѣмнай начѣ (нѣчи), умнай дѣчири (-ери).

Мн. ч. тѣмная нѣчи, умнай дѣчири (-ери),
род. тѣмныхъ начѣй, умныхъ дачерѣй,
дат. тѣмнымъ начѣмъ, умнымъ дачерѣмъ,
вин. тѣмная нѣчи, умныхъ дачерѣй,
тв. тѣмными начѣми (-ами), умными дачарьми,
пр. ва тѣмныхъ начѣхъ, умныхъ дачерѣхъ.

72406

Склоненіе именъ числительныхъ.

Одинъ. Два. Оба.

Ед. ч. им. муж. адин, ж. аднѣ, ср. какъ жен.
род. м. аднагѣ, ж. аднѣй (-ой), ср. какъ жен.
дат. м. аднамѣ, ж. аднѣй (-ой), ср. какъ жен.
вин. м. аднагѣ, ж. аднаѣ и аднѣ, ср. какъ жен.
тв. м. аднимъ, ж. аднѣй (-ѣй), ср. какъ жен.
пр. м. аба' двѣмъ, ж. аба' двѣй, ср. какъ жен.

Мн. ч. им. аднѣ — по всеѣмъ родамъ, род. аднѣхъ, дат. аднѣмъ, вин. аднѣхъ и пр. аба' двѣхъ.

Два — м. им. два, ж. двѣ, ср. —, род. двѣхъ —, д. двѣмъ, в. двухъ, тв. двѣми, пр. а двѣхъ.

Оба — им. абѣи — по всеѣмъ родамъ, род. абѣихъ, д. абѣимъ, в. абѣихъ, тв. абѣими, пр. на' бѣихъ.

Склоненіе мѣстоименій.

Я; ты; онъ; тотъ; этотъ; кто и что.

Ед. ч. им. я, ты; р. менѣ, тебѣ; д. мвѣ, табѣ; в. менѣ, тебѣ; тв. мвѣй, табѣй; пр. а мнѣ, а табѣ и — тебѣ.

Сборникъ II Озд. И. А. П.

Б0396463

Воронежская областная
БИБЛИОТЕКА
им. И. С. Никитина

Им. м. ѡн, ж. аѡа; р. егò (ягò), ж. ёй, нёй; д. м. ямў, ймў, ж. ей; вин. м. егò (явò), ж. её; тв. м. ѡм, ж. ёй, нёй; пр. а нѡѡм, нёй.

Множ. чис. аѡя — по всёмъ родамъ, остальные падежи сходны съ обычными грамматическими формами.

Им. тотъ, ж. та; р. тагò и тавò, ж. тэй (той); тагò и тавò, ж. тў и таё, тв. тѣм, ж. тэю, предл. а тўѡм, ж. атэй.

Мн. чис. и. тѣ, р. тѣх, д. тѣм, в. тѣх, тв. тѣми, пр. а тѣх.

Этотъ — и. м. этат и энтат (ѣнтат), ж. энта, ѣнта, эта, р. м. этѡвѡ, энтѡвѡ, ж. энтай (и ѣе, ѣе), д. этаму, энтаму, ж. энтай (ѣе, ѣе), в. этава, энтава, ж. энтаю (ѣе, ѣе), тв. энтим, энтаю (ѣе, ѣе), пр. аб энтам, ж. аб энтай (ѣе, ѣе).

Мн. ч. энтя, р. энтх, дат. энтим, в. энтх, тв. энтми, пр. аб энтх.

Кто, что = им. хто, штò и щò, р. кагò, кавò, чёвò и чйвò, д. камў, чамў и чймў, в. кагò и кавò, в. штò, щò, тв. кѣм, чѣм, пр. а кўѡм, а чўѡм.

Степени сравненія.

Окончавія сравнительной степени въ мѣстномъ говорѣ значительно отступаютъ отъ обычныхъ грамматическихъ формъ. Для примѣра возьмемъ нѣсколько словъ: малый въ ср. ст. = мѣня; большой = будля и пабалѡхней; дурной = хўжа; хороший = лўча и лўчи; богатый = багача и багачѣя, черный = чарнѣя и т. д. Превосходная степень всегда обозначается суффиксомъ «иш», напр.: висўдчишшай (весьма высокій), багачишшай (очень богатый), силънишшай (очень сильный) и т. д.; или образуется сложно черезъ прибавленіе къ положительной степени словъ «дўжа», «дабрѣ» (ср. малорусск. добрѣ), напр.: дўжа харўдш, дўжа чиждл (очень тяжелъ), дабрѣ великѡтян (очень гордъ), дабрѣ тѡлст (очень толстъ) и т. д.

Глава четвертая.

Оттѣнки и черты мѣстнаго говора, выражающіеся въ спряженіяхъ глаголовъ.

Идти, работать, писать, дарить, ходить.

- Ед. ч.* 1 л. идѹ, рабѹдтаю, пишѹ, дарѹ, хажѹ,
 2 л. ѡдишь, рабѹдтаишь, пишишь, дѹбришь, хѹдишь,
 3 л. ѡдя, рабѹдтая, пиша, дѹбри, хѹдя.

- Мн. ч.* 1 л. ѡдим, рабѹдтаим, пишим, хѹдим, дѹрим,
 2 л. ѡдита, рабѹдтаята, пишита, хѹдита, дѹрита,
 3 л. идѹтъ, рабѹдтаютъ, пишутъ, хѹдютъ, дѹрютъ.

Дремать, глядѣть, шумѣть.

- Ед. ч.* 1 л. дрѡмлю, гляжѹ, шумлю,
 2 л. дрѡмишь, глядѣть и глѡдишь, шумишь,
 3 л. глядѣть и глѡдишь, шумить, дрѡмля.

- Мн. ч.* 1 л. глѡдим и глѡдимъ, дрѡвим, шумимъ,
 2 л. глѡдита и глѡдита, дрѡмита, шумита,
 3 л. дрѡмѹтъ, глѡдѣ, -ять, глѡдятъ, шумѡ, -ть.

Печь, сѣчь.

- Ед. ч.* 1 л. пѡкѹ, сѡкѹ и пѡкѹ, сѡкѹ,
 2 л. пѡкѣшь, сѡкѣшь и пѡкѣшь, сѡкѣшь,
 3 л. пѡкѣ, сѡкѣ, -ѣтъ и пѡкѣтъ, сѡкѣтъ.

- Мн. ч.* 1 л. пѡкѣм, сѡкѣм и пѡкѣм, сѡкѣмъ,
 2 л. пѡкѣтя, сѡкѣтя и пѡкѣте, сѡкѣте,
 3 л. пѡкѹтъ, сѡкѹтъ и пѡкѹтъ, сѡкѹтъ.

Нести, вести, цвѣсти.

- Ед. ч.* 1 л. нѡсѹ, вѡдѹ (нѡсѹ, вѡдѹ), твѡтѹ (твѡтѹ),
 2 л. нѡсѣшь, ведѣшь (нѡсѣшь, видѣшь) тветѣшь, твѡтѣшь,
 3 л. нѡсѣ, ведѣ, -ѣтъ, -ѣтъ, твѡтѣ, -ѣтъ (твѡтѣтъ).

- Мн. ч.* 1 л. нѡсѣм, ведѣм, твѡтѣм (твѡтѣм),

2 л. вѣсѣтя, вѣдѣтя, твѣтѣтя (твѣтѣтя),

3 л. вѣсѣуть, вѣдѣуть, твѣтѣуть (твѣтѣуть).

Смѣяться, собираться, подниматься.

Ед. ч. 1 л. смѣяюсь, са́бираюсь, па́днимаюсь (-я),

2 л. смѣѣсси, -іѣсси, са́бираѣсси, па́днимаѣсси,

3 л. смѣѣтца, -іѣтца, са́бираѣтца, па́днимаѣтца.

Мн. ч. 1 л. смѣѣмси, -іѣмси, са́бираѣмси, па́днимаѣмси,

2 л. смѣѣтися, -іѣтися, са́бираѣтися, па́днимаѣтися,

3 л. смѣяѣтце, -іѣтца, са́бираѣтца, -тцуть, па́днимаѣются и
-ѣтцуть.

Для большаго ознакомленія съ описываемымъ говоромъ намъ нужно нѣсколько еще остановиться на причастныхъ формахъ и отчасти на *неопредѣл. наклоненіи*. Возьмемъ для примѣра глаголы: идти, работать, играть, плакать, смѣяться, испугаться; по мѣстному: итѣть, рабѣдѣть, плакать, рабѣдѣть и робѣть, смеѣтца, рыдѣть, испугѣтца. Въ пѣсняхъ же окончаніе *ть* переходитъ въ *ти*, такъ что получается какъ бы древнеславянская форма неопр. накл.: плака-ти, лежѣти, летѣти и т. д. *Причастіе* отъ глаголовъ лежать, ползѣть, сидѣть, висѣть: лежѣчей, палзѣчей, сидѣчей, висѣчей.

Въ *двепричастной* формѣ мы наблюдаемъ ассимиляцію звуковъ, напр.: нахадѣмшисѣ (вм. находившисѣ), наплакамшисѣ (вм. наплакавшисѣ), насмѣймшисѣ (вм. насмѣявшисѣ), нарыдѣмшисѣ (вм. нарыдавшисѣ), заблуждѣмшисѣ (вм. заблудившисѣ) и т. д.

Глава пятая.

Мѣстныя особенности говора.

Изъ общихъ особенностей, характеризующихъ нашъ мѣстный говоръ, можно указать на то, что говоръ нашъ въ нѣкоторыхъ географическихъ пунктахъ отличается чрезвычайной растлунтостью или пѣвучестію. Чѣмъ это явленіе объяснить? Флегматичностью ли характера, ненаходчивостью или неподвижностью

мысли, или же врожденной привычкой намѣренно и машинально замедлять темпъ своей разговорной рѣчи? Можно съ вѣроятностью предположить, что одни изъ сельчанъ, подлежащихъ этой категоріи говора, медлительно или растянуто говорятъ по природѣ,—по унаслѣдованію этой привычки отъ своихъ отцовъ или домашнихъ сочленовъ, другіе просто по привычкѣ, а нѣкоторые, быть можетъ, изъ бессознательнаго подражанія, подчиняясь общему складу говора своихъ же сочленовъ, въ кругѣ которыхъ они всегда вращаются. И здѣсь опять-таки намъ необходимо оговориться. Говоря о растянутости рѣчи нѣкоторыхъ сельчанъ, мы ограничиваемъ ее лишь кругомъ старыхъ поколѣній. Новыя молодя поколѣнія, воспитавшіяся при иныхъ условіяхъ жизни, наоборотъ отличаются ускореннымъ темпомъ разговорной рѣчи, бессознательно, а, быть можетъ, и сознательно подражая въ этомъ отношеніи той средѣ, гдѣ имъ приходится проживать большую часть своей жизни,— въ средѣ школьной обстановки и бойкой городской жизни придонскихъ промышленныхъ губерній. Ужъ по самому естественному свойству «бывалыхъ людей» лица новаго молодого лагеря должны были выработаться во многихъ отношеніяхъ по новому образцу. Смѣлость, увѣренность въ себѣ, хвастовство манерами и привычками, заимствованными вчуждѣ, желаніе показать изъ себя именно «бывалаго челоуѣка» наложили и особый отпечатокъ на ихъ манеры разговорной рѣчи, отличающейся нѣкоторою изысканностью и ускореннымъ темпомъ. Такая противоположность манеръ говора замѣтна при самомъ бѣглоиъ поверхностномъ наблюденіи. Приведемъ нѣсколько словъ для характеристики манеръ разговорной рѣчи того и другого лагеря: хӯдәшшәвай и хӯдәй; нә знәю и нә знәю; чәгә (чегә) и чәвә; шәбә и штә, что; пәбә и пәбә; дәсәтә и дәсәтә; чәсә и чәсә; бәдә и бәдә и т. д.

Разсматривая частіе затронутый нами вопросъ, мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ типическихъ особенностей, такъ или иначе характеризующихъ нашъ мѣстный говоръ. Изъ этихъ особенностей прежде всего бросается въ глаза интересное употребленіе

иностранныхъ словъ. При этомъ вообще замѣчается стремленіе облегчить произношеніе вставкой или замѣной гласныхъ, (въ большинствѣ случаевъ) слоговыми сокращеніями или измѣненіями или, наконецъ, сознательными превращеніями въ мѣстные слововыраженія. Для примѣра мы приведемъ нѣсколько словъ: митрополить по мѣстному ин'трипилить; касса=ка́ссия; танецъ=танця; такса=таксы; хоругви=ерѡхвен; театр=кіяхтра и кіяхтріа; вакансія=аканця; архіерей=алхиріей; Исусъ=Сус; антихристъ=ан'чйхрѣст; секретарь=сле(л)катарь; ветеринарь=венерарь; докторъ=дѡхтурь; адвокатъ=аблакатъ; ревматизмъ=лиман'дрістъ и раман'тістъ; Университетъ=Ниситіеръ и Ниситіетъ; студентъ=стюдентъ; фонтанъ=хвантал; шоссе=шаша; характеръ=тарэхтурь; претензія=припѣнзіа; карусели=кураліёсы (куралесить или курамесить на простонародномъ языкѣ означаетъ шумно и весело проводить время въ попойкахъ, играхъ и весельи); литература=рптатауй (мѣстное слово, взятое изъ частушекъ-складушекъ¹⁾ и перенесенное на слово «литература»); монополія=винапудійла (винопойла)—пойлой у насъ называютъ помоя, смѣшанныя съ мукой, которыми откармливаютъ скоть, а затѣмъ вообще мѣсто, гдѣ полятъ скоть. Остроумное сопоставленіе этого рода «пойла» съ винной «пойлой»!

Впрочемъ, бывають случаи, когда иностранныя слова, проходя сквозь призму мѣстнаго говора, остаются безъ измѣненія, напр.: дубликатъ (—), публіци-ай — въ этомъ словѣ только окончаніе *ый* переходитъ въ *ай*; капиталистъ (—) и проч.

Даже самыя коренныя русскія слова изъ того же стремленія *упростить произношеніе* также часто намѣренно и вполне сознательно измѣняются, напр.: гдѣ — по мѣстному йгдіе и йдіе; неужели=нишь и нюжлі; куда=куды; сюда=суды; откуда=аткѣдава и аткѣліва; отсюда=атцѣдава и атсѣлива (ат-

1) Частушки-складушки (отъ слова *частить*, т. е. говорить быстро, подъ ладъ частыхъ тактовъ музыки) — это плясовыя пѣсенки, состоящія изъ одного четырехстишія.

цѣля); вѣдь = вѣть; или = али и ай; иногда = инда; некогда = нѣкали; когда = кали; навстрѣчу = нустрѣчь; почти = пащѣ и паштѣ; дѣйствительно = двѣствительна и двѣстѣтельна; вообще = ѹвѣпчѣ; безпрестанно = бѣс' перечь; нѣтъ = нѣтути; крестины = кстѣны; ярмарка = ярманка; пристань = прѣсталь; морковь = морквѣ; грязь = грязѣ; встрепенуться = стряпыхнѣтца; намѣряться = намирѣтца; поздравлять = спраздравлѣть; нравъ = ндрѣвѣ; извинять = низвинѣть; звукъ = зѣкъ; жабрикъ = зѣбрикъ; облако = балачѣкъ; борщъ = баршѣ; мощи = машшѣ; журавль = журавѣль; муравей = муравѣль; корабль = карабѣль; конопля = канѣпель; сомяще = сой'мишша; крапива = кастрѣка; пламя = пѣлымя; тысяча = тѣща; хрупкій = крѣпкій; управлять = правдѣть; быть можетъ это послѣднее слово образовалось отъ коренного «правда»; такъ что по смыслу выходитъ: правдѣть — правдиво, справедливо управлять, управлять по закону, по совѣсти, отсюда — правдѣть.

Для той же цѣли, т. е. для удобства произношенія довольно часто два слова намѣренно соединяются въ одно. Получается едва замѣтная для посторонняго наблюдателя элизія, напр.: вотъ онъ = вѣн'ав; какъ будто = ка'бѣсть.

Мы уже упоминали, что сельчане нашего района измѣняютъ воспринятые или иностранныя слова вставкой гласныхъ звуковъ. То же слоговое растяженіе или удлиненіе замѣчается и въ русскихъ словахъ, напр.: послѣ = ѣпѣсля и паслѣя; всегда = ѹсѣгдѣ и завсѣгда (навсѣгдѣ); кромѣ = акрамѣ (говорятъ и апрѣчь и апрѣчи вм. акрамѣ; послѣднее болѣе употребительно); побольше = пабалѣхней; тощій — ташшѣвай; земскій = зѣмацкай; средство = срѣствѣя; жребій = жѣрѣбей; льстить = уляшшѣть; вишня = вѣшшаникъ; вторникъ = втѣдрник и автѣдрник; среда = середѣ; всеобщій = авсѣепашная; ржаной = аржанѣй; пшеничный = пшанишнай; молнія = малаыѣя; громъ = грѣмушка и проч.

Точно такой же участи измѣненія подвергаются и собствен-

ныя имена странъ и городовъ. Въ устахъ сельчанъ въ данномъ случаѣ выражается тоже стремленіе къ произношенію словъ въ болѣе упрощенномъ видѣ и именно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ удобнѣе и легче произнести. И тутъ, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, допускается то сокращеніе, то удлиненіе или вообще какое либо слоговое измѣненіе, напр.: Черниговъ = Чернѣв; Петербургъ = Питинбѣрх и Петярбѣрх; Саратовъ = Саратай и Саратавая; Кавказъ = Капкас; Турція = Турѣтчина; Томскъ = Тѣмская (Тѣнская); Кіевъ = Кѣева; Курскъ = Кѣурская; Новочеркасскъ = Нѣдвая Чиркасская; Землянскъ = Землянка; Задонскъ = Задѣнская; Острогожекъ = Астрагѣдльская.

То же явленіе наблюдается и въ именахъ собственныхъ личныхъ, напр.: Владимиръ = Валадѣмяр; Оома = Хамѣ; Ороль = Хрудѣ; Евдокимъ = Алдаким; Евлампій = Лахвѣн; Ипатій = Алипѣтъ; Иосифъ = Осякъ и Осипъ; Евфросинія = Апасинья; Θεодора = Хведѣра; Θεоктисть = Хвяклѣс; Давидъ = Давѣтъ; Валерьянъ = Аверьян; Иларіонъ = Раливѣн и др.

Иногда допускаются глагольные сокращенія. Чаше всего это замѣчается въ частушкахъ-складушкахъ, гдѣ по требованію стихотворнаго размѣра необходимы бываютъ соответственныя глагольныя сокращенія, напр.:

Вѣдѣт табѣ калѣва,

Вѣдѣт табѣ другѣя,

Хѣ^лшь любѣшь, хѣдѣшь вѣдѣтъ,—

Вѣдѣт табѣ инѣя . . .

И въ разговорной рѣчи нерѣдко можно наблюдать такое же явленіе; такъ, говорятъ вѣшь вм. видишь, падѣм вм. пойдемъ, глѣ-ка и глѣ-ка вм. гляди-ка и т. д.

Глава шестая.

Мелкія явленія изъ области мѣстныхъ особенностей.

Теперь нѣсколько остановимся на мелкихъ явленіяхъ мѣстныхъ особенностей говора.

Увеличенность предметовъ обыкновенно выражается вставкой суффиксовъ: *ак* — *ак*, *им* — *им*, напр.: сая́ки (большіе сани), дубя́ка (большой дубъ), дамя́ка (большой домъ), тилежа́ка (большая телёга), здарудви́шшай (очень большой), длини́шшай (очень длинный), хварабй́шша (очень тяжкая болёзнь), плятни́на (большой плетень), травни́на (высокая, густая трава), куряни́на (очень большой курень) и т. под.

Для ббльшей выразительности въ разсказѣ, а также для обозначенія силы извѣстнаго дѣйствія къ словамъ прибавляются частицы вродѣ *альнй* и *ильнй*, а также *аш*. Приведу нѣкоторые выраженія для примѣра: «Тру́дйка пракати́ла, ильнй (альнй) пылъ сталбѣм пашла́». Или: «Грѣму́шка (громъ) такъ дѣжа (сильно) грѣхнула, аш акѣшки задража́ли».

Довольно часто встрѣчаются и другія частицы вродѣ *та*, *тѣ*, *бишь* и др., напр.: «Какъ бишь его звать?» Вѣроятно *абишь* — сокращенное «бишь» (говоришь). И еще: «Он-та или ѣнтат-та бальшой празу́ка» (дошлый, пройдоха); *ани-та* были завсѣгда багачѣй. Частицы «нѣ-тя», «нѣ-тя» употребляются при обращеніи къ нѣсколькимъ лицамъ.

Въ моментъ забывчивости или разсѣянности многіе весьма часто употребляютъ въ разговорной рѣчи вводныя частицы вродѣ *таѣд-патаѣд* или *таѣ*, и даже цѣлыя вводныя выраженія, напр.: «анѣ бы . . . таѣ . . . парѣ за дѣла брата», или «ну какъ таѣ . . . твай дѣла-та пра таѣ» . . . ; и еще: «анѣ ка'бы сказать . . . ничего, а сѣ-такй таѣ» . . .

Также очень употребительны частицы *им* и *ам*, напр., одинъ говоритъ: «Пятру́ха йдѣ», другой возражаетъ: «ан нѣт, а эта Ягудр». Частица *им* употребляется послѣ какихъ-нибудь особен-

ныхъ сильныхъ впечатлѣній, напр.: «иш какой он малай абразавалси!» «Иш какой он хитрай!» «Иш ты на штуд намека!» (намекаетъ). Вѣроятно, эта частица образовалась изъ сокращенной глагольной формы — видишь, вишь, ишь.

Говорящие крестьяне, любящие, такъ сказать, пофилософствовать, поразсуждать, никогда сразу не начинаютъ рѣчь на данную тему, а непременно начинаютъ ее съ какихъ-нибудь постороннихъ выраженій, повидимому, совѣмъ не идущихъ къ дѣлу, а въ самомъ дѣлѣ по понятію собесѣдниковъ подкрашивающихъ рѣчь, придающихъ извѣстный вѣсъ и достоинство рѣчи. Такъ они заговариваютъ въ такомъ родѣ: «патаму ана какъ скажемъ». . . (а затѣмъ ужъ начинаютъ излагать свое сужденіе объ извѣстномъ предметѣ), или: «ана ка'бы на твудиму сказать». . . , или: «х приміеру гаваритца, брѣтяц ты мудй». . .

Слова «говорить» и «молвить» въ 3 л. ед. чис. наст. вр., когда передается чужая рѣчь, всегда сокращаются въ произношеніи, такъ что получаются формы: гѣртъ и мѣл(ы)ть или мѣлѣтъ (звукъ *и* едва слышно) вм. молвить, говорить.

Отрицаніе *не* произносится не одинаково. Въ устахъ старыхъ поколѣній чаще всего можно слышать чистое *не* и рѣдко *ня*, напр.: не видѣл и ня видѣл; не слыхѣл и ня слыхѣл; а молодыя поколѣнія измѣняютъ его въ *ни* — ни видѣл, ни слыхѣл, ни знаю, ни магу и т. д.

Если слѣдующее слово послѣ отрицательной частицы *не* начинается съ звука «*у*» или «*ю*», то происходитъ одновременно слияніе и смягченіе «*у*» въ «*ю*», напр.: не взирала произносится какъ бы за одно слово н'юзирала; не увидала = н'ювидала; не узнала = н'юзнала. Чаще всего это явленіе можно встрѣтить въ пѣсняхъ и частушкахъ.

Склонность къ самымъ неумѣстнымъ отступленіямъ отъ общепринятаго произношенія словъ замѣчается довольно часто, напр., слово «вихрь» произносится твердо и съ особымъ слоговымъ растяженіемъ — вѣхар; тогда какъ слово «хуторъ» произносится наоборотъ со смягченіемъ: хутарь. Тоже самое наблюдается въ

словахъ: аминь и полынъ. Эти слова въ мѣстномъ произношеніи употребляются безъ смягченія: амин, палын.

Въ силу указанной склонности къ разнымъ отступленіямъ отъ обычныхъ фонетическихъ формъ нѣкоторыя слова произносятся гораздо мягче, чѣмъ это слѣдовало бы ожидать. Отсюда мы видимъ положеніе болѣе мягкихъ гласныхъ на мѣстѣ менѣе мягкихъ гласныхъ, напр., вмѣсто «девять» говорится дѣвѣтъ и дѣвить; пятачекъ = пѣтѣчекъ и пятачекъ; святой = свѣтѣй и свитѣй; ничего = нѣчѣгѣ и нѣчѣвѣ; часы = чѣсы и чѣсы; разсвѣтаетъ = рассвѣтѣтъ и рассвѣтѣтъ; поросенокъ = персѣнакъ; высокій = висѣудкай; жабрикъ = зѣбрикъ; вѣдь = вѣтъ и т. д.

При ругательствахъ, вѣроятно, для болѣе энергичности и звучности словъ начальные согласные звуки обыкновенно удваиваются при произношеніи, напр.: «ахъ *ддамавѣй* тебѣ *рашипбѣ-та!*»; иль: «ну тебѣ у *ббалѣдугу!*», «ну тебе *уплесу (плесавѣу)*».

Предлогъ «аъ» подвергается всевозможнымъ измѣненіямъ, смотря по тому, съ какими звуками онъ непосредственно соединяется. Такъ въ разговорной рѣчи его замѣняетъ предлогъ «у», напр.: въ сараѣ = у сараѣ; въ ригѣ = у рѣги; въ домѣ = у дѣми и у дѣмя. Впрочемъ, иногда предлогъ «аъ» уживается рядомъ съ предлогомъ «у», напр.: въ избѣ = у в'избѣ; въ амбарѣ = у в'анбарѣ, -ри; въ ометѣ = у в'амѣтя, -ти; въ омутѣ = у в'оматѣ, -ти и т. д. А въ пѣсняхъ предлогъ «аъ» принимаетъ разный видъ, соединяясь съ тѣми или другими непосредственно слѣдующими за нимъ гласными звуками, напр.: въ городѣ — поется вы-гарѣдѣ, -ди; въ садочку = ва-, вы садѣчкю; въ клѣточкѣ = ва клѣтѣчки; въ терему = ва терѣмѣ и ва тѣрѣму и т. д.

Предлогъ «на» при встрѣчѣ съ гласной «у» образуетъ промежуточное «а», такъ что получается на в'улицы вм. на улицѣ; на в'уха вм. на ухо; нав'учить вм. научить.

Нерѣдко можно встрѣтить ассимиляцію согласныхъ звуковъ, напр.: визжать = вижжѣтъ, возжи = вѣджи; шить = шшить; сошники = шашникѣ и т. под.

Для выраженія сильной степени или продолжительности извѣстнаго дѣйствія употребляются пераздѣльные выраженія, вродѣ слѣдующихъ: мѹка-мучинская (очень сильная мѹка), горя-гарямѹшная (сильное горе), грязь-грязѹю (страшная грязь), день-деньскѹй (весь день), ночь-ночннскую (всю ночь на-пролетъ), зиму-зимскую (всю зиму) и т. д.

Иногда встрѣчаются интересныя слоговыя перемѣщенія или перестановки въ нѣкоторыхъ словахъ (*метатѣзис*), напр.: мед-вѣдь = вядмѣть; Ломовець (название села) = Малавецъ; карусели = куралѣсы; Иларіонъ = Раливѹн; магазинъ = гамазинъ и гамазѣй; холера = харѣла и т. д.

Въ большемъ употребленіи также звукоподражательныя слова, напр. чвѹкать (жевать), шуршѹть (производить шорохъ), брыкѹть (бить ногами), тюлюлюдкѹть (кричать «тюлѣ»), жвыкнуть (ударить; ударъ разсѣкаетъ воздухъ, отъ чего получается звукъ на подобіе «жвыкѣ»), жвындѣть (жужжать, издавать звукъ «жвын. . .»), чурюкѹть или свиристѣть (выражаются о звукахъ сверчка) и т. п.

Можно еще, наконецъ, отмѣтить, что въ мѣстномъ говорѣ и до сихъ поръ сохранились, такъ сказать, нѣкоторые осколки или обломки древнерусскаго языка, напр.: вяльмѹд (вельмѣ), лютай (люта), такмѹ (токмо), каѣ (кое); встрѣчаются еще древнерусскія окончанія *ти, чи*, напр.: йду-*чи*, сядю-*чи*, плака-*ти*, ходи-*ти*, лета-*ти* и др.

Этими замѣчаніями я пока я позволю себѣ закончить настоящій очеркъ.

Составилъ Владимиръ Тростянскій.

[0-30]

Отметки о выданных респонденту квантумах

№№ книг	Дата выдачи	Сумма	Подпись лица, выдавшего квантуму

7/4
Цена 30 коп.; Ргіх 30 сор.

Продаются въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и
у ая комиссіонеровъ:

И. И. Глазунова и Ч. Л. Ринкера въ Петроградѣ, Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ, М. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Кіевѣ, Н. Книдла въ Ригѣ, Любавѣ и Кооп.
въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

I. Glazunov et C. Ricker à Petrograd, M. Karbasnikov à Petrograd, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Ogioblin à Petrograd et Kiev, N. Knudsel à Riga, Lubac & Cie à Londres.